

16.02.2022

От конструктивного разрушения к собиранию

Колонка издателя

СЕРГЕЙ КАРАГАНОВ

Учёный-международник, почётный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, председатель редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике». Научный руководитель Факультета мировой политики и экономики НИУ ВШЭ.

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЕ ЭССЕ О БУДУЩЕМ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

В 2021 г. Россия, похоже, начала новый этап своей внешней политики. Назовём его «конструктивным разрушением» прежней модели отношений с Западом. Элементы такой линии копились в течение полутора десятка лет – условно со знаменитой речи Владимира Путина в Мюнхене в 2007 году. Но преобладающими тенденциями в политике, риторике были остаточные попытки встроиться в западную систему на фоне оборонительного настроя.

Конструктивная разрушительность не является агрессивной. Россия не собирается ни на кого нападать, никого подрывать. Ей просто незачем это делать. Пока внешний мир с чисто геополитической точки зрения и так создаёт для развития страны всё более благоприятные среднесрочные перспективы. С одним крупным исключением – продолжение политики расширения НАТО и втягивания в блок, формально или неформально, Украины, что создаёт неприемлемую для России ситуацию в области безопасности.

Пока условный Запад и внутри-, и внешнеполитически, и даже экономически находится на траектории медленного, но верного сползания вниз. Именно это падение – после почти пятивекового доминирования в мировой политике, экономике, культуре и особенно после, как казалось, окончательной победы 1990-х – середины 2000-х гг. – главная причина развязывания Западом новой холодной войны. По моим оценкам^[1], он, скорее всего, её проиграет, уступив роль лидера в глобальной системе. Это, вероятно, сделает его более конструктивным партнёром. Как раз тогда, когда у России появится необходимость балансировать дружеский, но всё более мощный Китай.

Пока же коллективный Запад находится в отчаянной, риторически агрессивной обороне. Пытается консолидироваться, использовать остающиеся козыри, чтобы повернуть доминирующую тенденцию вспять. Один из них – использование Украины для того, чтобы нанести ущерб России, связать ей руки. Важно не дать этим судорожным попыткам перерасти в полномасштабное столкновение, не позволить США и НАТО продолжать нынешнюю политику. Она невыгодна всем и опасна, но до сих пор относительно малозатратна для инициаторов. Предстоит убедить Запад в том, что эта линия контрпродуктивна для него самого.

Другой козырь – доминирование в институтах системы евроатлантической безопасности, которая сложилась после окончания прошлой холодной войны в условиях резкого упадка совокупной мощи России. Эту структуру целесообразно системно разрушать – в первую очередь своим неучастием и отказом играть по её давно устаревшим и изначально невыгодным для нас правилам. Западное направление должно как можно скорее стать для России второстепенным, поддерживающим евразийское. Встраивание в Большую Евразию будет более удобным при условии конструктивных отношений со странами, расположенными на западной оконечности материка. Но оставшаяся от прошлого система институтов выстраиванию таких отношений препятствует. Значит – мы не заинтересованы в её сохранении.

Чтобы перейти к созиданию новой системы, важнейшим содержанием следующего этапа становится (наряду с демонтажом старой) «собрание земель». Не столько даже по желанию Москвы, сколько по необходимости.

Хотелось бы приступить к этому попозже. Но за тридцать лет после распада СССР выяснилось, что большинство постсоветских стран так и не смогли стать дееспособными государствами. И часть, видимо, уже не станет. Причин много. И их надо анализировать. Пока ограничусь лежащей на поверхности – отсутствие у большинства местных элит исторического, культурного опыта государственного строительства. Они так и не смогли, не успели стать государствообразующими. А от распада интеллектуального и культурного пространства империи больше всего потеряли именно малые страны. Открывшийся выход на Запад этого пространства заменить не смог. Отсутствие государствообразующего стержня привело к запредельному компрадорству оказавшихся наверху.

Большинство этих государств или уйдут под внешнее управление, как сделали прибалты, или продолжат разваливаться. Сомализация сопредельных стран недопустимо опасна.

Остаётся думать, как сделать «собирание» более эффективным и выгодным для России, с оглядкой на действия царского и особенно советского правительства, распространявших сферу влияния сверх разумного предела, а потом сохранивших эти земли за счёт коренных российских народов.

О том, как заниматься навязанной историей «собиранием», поразмышляем в других статьях. В этой – об объективно назревшей, хотя тоже нелёгкой, политике «конструктивного разрушения».

-

Этапы пройденного пути

Начинающемуся этапу российской внешней политики предшествовали три других. Первым был период слабости и иллюзий, начавшийся в конце 1980-х годов. Не было сил сопротивляться, хотелось верить, что демократия и Запад нам помогут^[2]. Этот период закончился в 1999 г., когда после первых волн расширения НАТО, воспринятого как вероломство, коллективный Запад осуществил что-то похожее на групповое изнасилование остатков Югославии.

Подспудно и скрытно (на публику приходилось улыбаться и кланяться) в России начался этап «вставания с колен». Пошло восстановление государства. А после того, как США вышли из Договора по ПРО, что сигнализировало об их стремлении вернуть себе стратегическое превосходство, были приняты трудные для ещё нищей страны судьбоносные решения: создать серию систем вооружений, призванных покончить с американскими надеждами. Мюнхенская речь, война в Грузии, запуск глубокой реформы сил общего назначения параллельно с начавшимся мировым кризисом, означавшим в том числе провал модели западного либерального глобалистского империализма (термин я позаимствовал у замечательного английского учёно-международника Ричарда Саквы), ознаменовали новый этап российской политики: возвращение роли первостепенной мировой державы, способной отстаивать свой суверенитет и интересы. Вехи на этом пути – Крым, Сирия, военное укрепление, последовательное ограничение возможностей Запада влиять на российскую внутреннюю политику, вытеснение – в том числе и умным использованием реакции Запада на эти действия – компрадорских элементов из российского правящего слоя. В условиях нарастания враждебности ориентироваться на Запад, держать там деньги становится невыгодным.

Феерический подъём Китая, выстраивание Москвой и Пекином де-факто союзнических отношений, начавшийся с 2010-х гг. поворот на Восток, вползание Запада в многомерный кризис привели к мощному перераспределению политических и геоэкономических сил в пользу России. Это особенно хорошо видно по Европе. Если десятилетие тому назад Россия воспринималась как пытающаяся ерепениться слабая окраина континента, ныне еэсовцы отчаянно борются за ускользающую геополитическую и геоэкономическую субъектность в мире.

Период «возвращения к величию» условно завершился к 2017–2018 годам. Дальше мы вышли на плато, когда модернизация имела место, но в условиях вялого развития экономики, что угрожалось движением вниз. Эта заминка раздражала многих, в том числе автора этих строк, начавшего опасаться, что Россия в который раз в своей истории «вырвет поражение из рук победы». Но, как оказалось, это был ещё один этап накопления сил, прежде всего в военной области.

Россия вырвалась вперёд, на десятилетие обеспечив себе относительную стратегическую неуязвимость и способность «доминировать в эскалации» на случай развязывания конфликтов в жизненно важных для неё регионах.

Конец 2021 г. с его ультимативными требованиями России к США и НАТО прекратить наращивать военную инфраструктуру вблизи российских границ, экспансию блока на Восток ознаменовал начало того самого «конструктивного разрушения». Задача – не просто остановить иссякающую и, тем не менее, крайне опасную инерцию западного геостратегического наступления, но и всерьёз начать закладывать основы для изменения отношений, сложившихся между Россией и условным Западом в 1990-е годы.

Военная сила России, возвращающееся ощущение моральной правоты, учёт прошлых ошибок, близкие к союзническим отношения с Китаем позволяют надеяться, что назначивший себя противником коллективный Запад будет (со всеми неизбежными колебаниями) вести себя разумно. И тогда через десятилетие – надеюсь, раньше – наступит период совместного строительства новой системы безопасности и сотрудничества теперь уже в Большой Евразии, модернизации глобальной системы, основанной на ООН и международном праве, а не на односторонних «правилах», которые навязывались в последние десятилетия.

-

Работа над ошибками

Сразу оговорюсь. Считаю российскую дипломатию последних 25 лет блистательной. Играя очень слабыми картами, Москва сначала избежала того, чтобы её «добили», сохранила формальные позиции великой страны в СБ ООН, ядерный арсенал, затем, используя ошибки и слабости конкурентов, силу партнёров шаг за шагом укрепляла позиции в мире. Огромным достижением было выстраивание глубоких дружеских отношений с КНР. Россия обладает более выгодной геополитической позицией, чем СССР. Если, разумеется, не стремиться к погубившей его роли глобальной сверхдержавы.

Но нельзя забывать и о допущенных просчётах, чтобы не повторять их. Мы своей слабостью, умственной ленью и бюрократической инерцией содействовали созданию и продлению жизни нынешней несправедливой и неустойчивой системы евробезопасности.

Великолепно звучавшая парижская Хартия для новой Европы, подписанная в 1990 г., содержала положение о свободе выбора странами своих союзов, немыслимое для Хельсинского акта 1975 года. Поскольку Организация Варшавского договора уже была на издыхании, это означало свободу расширения НАТО. На этот документ ссылаются до сих пор даже у нас. Но в 1990 г. Североатлантический блок хотя бы мог считаться оборонительным союзом. С тех пор организация и подавляющее большинство стран, в неё входящих, совершили серию агрессий – против остатков Югославии, против Ирака, против Ливии.

Борис Ельцин после тёплого общения с Лехом Валенсом подписал в 1993 г. документ, где констатировалось «понимание Россией планов Польши по поводу присоединения к НАТО». Тогдашний министр иностранных дел России Андрей Козырев, узнав в 1994 г. о планах начать расширение НАТО, начал без санкции президента торг по условиям, на которых Россия могла бы с этим согласиться. Другая сторона тут же распространила информацию – русские торгуются, значит – они не против. В 1995 г. Москва дала по тормозам, но поздно – дамба была прорвана, сомневавшиеся в целесообразности расширения на Западе оттеснены.

В 1997 г., в ситуации отчаянной экономической слабости и зависимости от Запада, Россия пошла на подписание основополагающего акта Россия – НАТО. Добились некоторых уступок – обещание не размещать крупные воинские контингенты в новых странах – членах союза. Это обязательство уже несколько лет нарушается. Договорились не размещать в них ядерное оружие. Но это и так полностью не отвечало интересам Соединённых Штатов, давно стремящихся (вопреки желанию союзников) максимально отдалиться от потенциального ядерного конфликта в Европе, который практически неминуемо привёл бы к ядерным ударам по США. Акт де-факто легитимировал расширение блока.

Были ошибки помельче, но пообиднее. Россия участвовала в программе «Партнёрство ради мира», главной целью которой было создать впечатление, что блок готов слушать Россию, оправдывая дальнейшее существование и расширение. Ещё более досадный промах совершён позже, когда Россия, уже после натовской агрессии против Югославии, включилась в работу Совета Россия – НАТО с феерически бессодержательным набором тем для обсуждения. Единственная тема, которую следовало бы обсуждать – предотвращение расширения альянса и продвижения его военной инфраструктуры к российской границе – как раз не присутствовала в повестке дня. Работа Совета продолжалась после агрессии большинства стран-членов против Ирака и даже против Ливии в 2011 году.

Жаль, что пока мы так и не назвали НАТО тем, чем она стала, – агрессором, совершившим многочисленные военные преступления. Думаю, что для многих политических кругов в Европе, например, в Финляндии, Швеции, поговаривающих о целесообразности вступления, это было бы отрезвляющим душем. Как, впрочем, и для всех других, привычно твердящих мантру об оборонительном характере союза, о необходимости его укрепления для сдерживания вымышленных врагов.

Я понимаю тех на Западе, кто привык к существующей системе, позволяющей американцам покупать послушание младших партнёров – и не только в военной области, – а последним экономить на безопасности, продавая часть своего суверенитета. Но нам-то эта система зачем? Тем более что теперь она очевидно ведёт к воспроизводству и даже усугублению конфронтации на наших западных рубежах и в мире в целом.

НАТО живёт за счёт нагнетания искусственной конфронтации, и чем дольше организация просуществует, тем больше эта конфронтация будет усугубляться.

При этом блок, по сути, опасен и для своих членов. Провоцируя противостояние, он не гарантирует защиты. Заявления о том, что статья 5 Североатлантического договора обеспечивает коллективную оборону в случае нападения, – неправда. В ней нет никаких автоматических гарантий. Я знаю историю блока и американской дискуссии вокруг его создания и могу практически со стопроцентной уверенностью утверждать, что Соединённые Штаты ни при каких обстоятельствах не применяют ядерное оружие в «защиту» союзников, если речь будет идти о конфликте с ядерной державой.

Давно изжила себя и Организация по сотрудничеству и безопасности в Европе (ОБСЕ). Господствующее в ней натовское и еэсовское большинство использует её для продления конфронтации или для, к счастью, всё менее эффективного навязывания современных западных политических ценностных установок и стандартов. В середине 2010-х гг. довелось поработать в пафосно названной группе «мудрецов» при ОБСЕ, призванной дать этой организации новый мандат. Если до того у меня были сомнения в её полезности, то углублённое взаимодействие привело к железной уверенности в её вредности. Она давно пережила свой век и лишь способствует консервации отжившего. В 1990-е гг. ОБСЕ использовали для того, чтобы похоронить российские и не только попытки создать систему общеевропейской безопасности, в 2000-х гг. – чтобы через так называемый процесс Корфу заматать новое предложение России о создании такой системы.

С континента фактически вытеснены органы ООН. Экономическая комиссия ООН для Европы, её Совет по правам человека и Совет Безопасности. Когда-то ОБСЕ виделась как полезное продолжение и развитие ооновской системы для важного субконтинента. Этого не получилось.

Линия по НАТО для меня очевидна – моральная и политическая делегитимация блока, отказ от институционального сотрудничества, доказавшего контрпродуктивность, сохранение контактов только между военными. Да и то в дополнение к диалогу с военным ведомством США, министерствами обороны ведущих европейских стран. Всё равно все серьёзные решения в военной области принимаются не в Брюсселе.

Политика в отношении ОБСЕ должна быть сходной – с поправкой, что эта организация скорее вредна, но неповинна прямо в агрессиях, истреблении людей, дестабилизации. Отсюда – снижение участия в ней до абсолютного минимума. Иногда говорят, что это единственное место, где российский министр иностранных дел может встретиться с коллегами. Это не так. Таких мест много в системе ООН. В любом случае диалоги на двухсторонней основе гораздо эффективнее, чем на таких сборищах, где навязывается блоковая дисциплина. Наблюдателей и миротворцев было бы гораздо эффективнее направлять через систему ООН.

Ограниченность пространства статьи не позволяет подробно остановиться на политике в отношении других европейских организаций – ЕС, Совета Европы. Но общий подход может быть таким же – сотрудничаем, где и если выгодно, где нет – воздерживаемся.

Тридцатилетний опыт убедительно доказал, что сохранение нынешней системы институтов в Европе вредно. Набранная ими инерция, ведущая к воспроизводству и усугублению конфронтации, даже военной угрозы на субконтиненте и во всём мире, невыгодна России. Когда-то можно было мечтать, что они помогут укрепить безопасность, содействовать политической и экономической модернизации страны. Безопасность они подрывают. И что – нам копировать всё более дисфункциональную политическую систему Запада? Нам нужны новейшие западные ценности?

Придётся ограничивать экспансию, отказом от сотрудничества содействовать эрозии системы, которая и так происходит. В расчёте на то, что жёсткое противодействие и предоставление возможности вариться в собственном соку приведёт элиту западных соседей по цивилизации к менее самоубийственной и опасной для других политике. Разумеется, выходить из этой системы отношений, содействуя таким образом ускорению её саморазрушения, нужно, максимально ограничивая неизбежный сопутствующий ущерб для себя. Но сохранение её просто опасно.

Политика на завтра

В этом осыпающемся мире было бы лучше подольше просидеть в неоиоляционистской «крепости Россия», занимаясь её внутренним обустройством. Но история требует принимать решения быстрее. Многие из моих предложений по контурам политики, которую я условно назвал «конструктивным разрушением», вытекают из предыдущего анализа.

Не надо вмешиваться, пытаться влиять на внутренние процессы Запада, чьи элиты в отчаянии развязали против России новую холодную войну. Нужно поставить им предел в том числе военными и по необходимости даже военно-техническими инструментами, дав возможность нарастать тенденциям морального, политического и экономического разложения западной системы. Это неизбежно ведёт к укреплению геополитических, геоэкономических и геоидеологических – культурных – позиций не-Запада, важнейшей составной частью которого история сделала Россию.

Партнёры на Западе предсказуемо пытаются замотать российские требования, использовать процесс для продления жизни своих структур. От разговоров и сотрудничества в экономических, политических, культурных, образовательных сферах, в здравоохранении, там, где это выгодно, отказываться не нужно. Но параллельно придётся наращивать военно-политическое, психологическое и даже военно-техническое давление не столько на сделанную пушечным мясом новой холодной войны Украину, сколько на коллективный Запад, заставить его одуматься и отойти от политики последних десятилетий. Опасаться обострения конфронтации не стоит. Она нарастала и тогда, когда мы пытались Запад умиротворить. Но быть готовыми к неизбежному ужесточению противодействия необходимо, как и предлагать долгосрочную альтернативу – новую политику мира и сотрудничества.

Не только Запад может угрожать разрушительными санкциями, но и мы способны сдерживать их угрозой разрушения их экономики и общества несимметричными ответами.

Естественно, стоит постоянно напоминать о наличии выгодной всем альтернативы.

При разумной и активной политике, не в последнюю очередь внутренней, удастся относительно мирно пережить очередной всплеск западной враждебности. Я писал, что у нас хорошие шансы победить в этой холодной войне.

Оптимизм внушает и наш собственный исторический опыт: нам не раз удавалось укрощать на благо себе и всего человечества имперские амбиции, превращая их носителей в относительно вегетарианских и удобных соседей – Швецию после Полтавы, Францию после Бородино, Германию после Сталинграда и Берлина.

Лозунгом новой российской политики в отношении Запада может стать четверостишие из гениальных и очень уместных ныне блоковских «Скифов»: «Придите к нам! От ужасов войны/ Придите в мирные объятия! / Пока не поздно – старый меч в ножны, / Товарищи! Мы станем – братья!».

Но, пытаясь оздоровить (даже и горьким лекарством) отношения на Западе, нужно помнить, что уже два десятилетия он, близкий нам культурно, – уходящая натура. Там – политика ограничения ущерба и по возможности сотрудничества. Реальные перспективы и вызовы настоящего и будущего – на Востоке и Юге. И нельзя позволить, чтобы ужесточение и активизация курса в отношении Запада отвлекли нас от дальнейшего поворота России к Востоку. А этот поворот, особенно развитие зауральских территорий, в последние два-три года замедлился.

Нужно предотвратить превращение Украины в источник военной угрозы. Но тратить на неё слишком много управленческих, политических, тем более экономических ресурсов контрпродуктивно. Нужно управлять нестабильностью. Большая часть этой территории оскотлена собственной антинациональной элитой, Западом, заражена бациллой воинственного национализма.

Гораздо эффективнее вкладываться в восточное направление, в развитие Сибири. Создав выгодные условия работы и жизни, мы привлечём не только россиян, но и других жителей бывшей Российской империи, в том числе и украинцев. Они и прежде вносили немалый вклад в сибирское развитие.

Повторю написанное в других статьях: великой державой Россию сделало присоединение Сибири при царе Иване Васильевиче Грозном, а не присоединение Украины при «тишайшем» Алексее Михайловиче. Пора перестать перепевать лукавое и продиктованное польскими генами утверждение Эбигнева Бжезинского, что

Россия без Украины не может быть великой державой. Гораздо ближе к истине противоположное утверждение: Россия не может быть великой державой со становящимся совсем неподъёмным украинским ярмом, созданным Лениным, расширенным на Запад при Сталине.

Наиболее перспективным направлением является, разумеется, развитие и укрепление отношений с Китаем. Это многократно увеличит возможности обеих стран. Если Запад будет и дальше отчаянно враждовать, стоит подумать о заключении временного – на пять лет – оборонительного союза. Разумеется, нужно страховаться и на случай возможного китайского «головокружения от успехов» и возвращения его к средневековой политике Среднего царства, стремящегося превращать соседей в вассалов. Нужно помогать, чем можем, Пекину, не допуская его даже временного поражения в холодной войне, развязанной против него. Этот проигрыш ослабит и нас. К тому же теперь мы знаем, во что превращается Запад, если считает, что выигрывает. Приходится жёсткими мерами лечить его похмелье после опьянения от успехов 1990-х годов.

Понятно, что восточная политика не должна концентрироваться на Китае. В мировой политике, экономике, культуре поднимаются восточный и южный миры, в том числе и благодаря подрыву нами военного превосходства Запада, на котором основывалась его гегемония последних пяти веков.

Когда дело дойдёт до строительства новой системы евробезопасности вместо опасно обветшавшей старой, строить её нужно в рамках большого евразийского проекта. В старой Евроатлантике больше ничего путного создать не удастся.

Самоочевидно, что важной предпосылкой успеха является развитие и модернизация экономико-технологического и научного потенциала страны – условия обеспечения её военной мощи – по-прежнему главной опоры безопасности и суверенитета. Россия не может быть успешной без улучшения качества жизни основной массы нашего народа – зажиточности, состояния здравоохранения, образования, окружающей среды.

Ограничение политических свобод, неизбежное в условиях противостояния с коллективным Западом, ни в коем случае нельзя распространять на интеллектуальную сферу. Хоть это и нелегко. Но для талантливой, творческой части народа, готовой служить стране, нужно сохранять максимальное пространство умственной свободы. Научное развитие через «шарашки» уже не пройдёт. Свобода увеличивает таланты нашего генетически изобретательного народа. Даже во внешней политике наша нынешняя свобода от идеологических пут даёт важные преимущества перед зашоренными соседями. Да и исторический опыт учит: коммунистическое манкуртовское ограничение свободы мысли привело к катастрофе страну в её прежнем, советском качестве. Условием развития и движения вперёд и вверх является сохранение личной свободы, воли.

Если мы хотим развиваться и побеждать, абсолютно необходим и духовный стержень – национальная идея, идеология, объединяющая и ведущая вперёд. Аксиоматично утверждение, что великие страны не могут быть великими без такой идеи. Подобное произошло с нами в 1970–1980-е гг. прошлого века. Надеюсь, что сопротивление правящих верхов выдвиганию новой идеологии, вызванное оскоминой коммунистической эпохи, начинает отступать. Мощным обнадеживающим сигналом стала в этом смысле речь Владимира Путина на октябрьском ежегодном заседании Валдайского клуба в 2021 году.

Не раз в множестве ряда российских философов и публицистов выдвигал свои варианты такой «русской идеи»^[3]. (Прошу извинить за повторное самоцитирование. Но оно неизбежно в силу необходимости ужиматься до журнальной статьи).

Вопросы на завтра

А теперь об очень важном, назревшем, но пока мало обсуждаемом аспекте новой политики. Её победа, да и она сама невозможны без преодоления и обновления устаревшего, а часто и заведомо вредного идейного фундамента, на котором базируются наши общественные науки, соответственно, в значительной степени – и практики.

Разумеется, необходимость преодоления не означает, что мы в очередной раз отринем достижения политологической, экономической, внешнеполитической мысли предшествовавших поколений. Большевики уже выбросили русскую общественную мысль на «свалку истории» – результат известен. Мы недавно с наслаждением отодвинули марксизм. Теперь, наевшись иных догм, выяснили, что сделали это слишком резко, – и у Маркса-Энгельса, и у Ленина с его теорией империализма были здравые идеи, на которые стоит опираться.

Общественные науки – науки о жизни людей и обществ – не могут не быть национальными, сколь космополитичными ни старались бы казаться их адепты. Они вырастают на национальной исторической почве и в конечном счёте направлены на служение своим странам и/или их правящим и имущим классам. Некритический перенос постулатов этих наук в другие условия неизбежно бесплоден или порождает уродов.

Вслед за обретением относительной военной безопасности, возвращением политического и экономического суверенитета предстоит работа по обретению интеллектуальной самостоятельности – одного из абсолютно необходимых условий развития и влияния в новом мире. Видный российский политолог Михаил Ремизов первым, по-моему, назвал этот процесс «интеллектуальной деколонизацией».

После десятилетий жизни в тени пришедшего извне марксизма мы стали переходить под другую, опять явившуюся из-за рубежа догму – либерально-демократическую – и в экономической мысли, и в политологии, и даже в немалой степени в науках о внешней и оборонной политике. Горь от этого очарования хлебнули сполна, растеряли часть страны, её технологий и их носителей. С середины 2000-х гг. стали проводить самостоятельную политику. Но действовали во многом интуитивно, не опираясь на чёткие национально-ориентированные (повторюсь, другими они быть не могут) научные и идейные постулаты.

До сих пор не решаемся сказать себе, что идейно-научное мировоззрение, на которое мы ориентировались в последние сорок-пятьдесят лет, устарело и/или изначально было нацелено на обслуживание элит иных стран.

Для иллюстрации поставлю полтора десятка вопросов, взятых из моего очень длинного списка почти наугад.

Начну с почти вечных, из высокой философии. Так что же всё-таки первично в человеке и обществе: дух или материя? Более приземлённо-политически: какие интересы движут людьми и их сообществами – государствами – в современном мире. Экономические, утверждали вульгарные марксисты и либералы. Вспомним, что крылатая фраза Билла Клинтона «это экономика, дурачок» ещё недавно казалась аксиомой. Людьми, когда они утолили элементарное чувство голода, движут интересы более высокого порядка. Любовь к семье, родине, стремление к обретению национального достоинства, личной свободы, но и власти, славы. В принципе иерархия ценностей известна давно, со времени введения в научный оборот в 1940–1950-е гг. знаменитой пирамиды Маслоу. Другое дело, что современный капитализм исказил эту пирамиду, навязывая сначала через обычные медиа, а теперь через всепроникающие электронные сети философию бесконечного расширения потребления и для богатых на их уровне, и для бедных – на их.

Как быть, учитывая, что современный, лишённый этической, религиозной почвы капитализм толкает к потреблению без границ, стремлению смыть их и этически, и географически, приходит во всё более явное противоречие с природой, начинает угрожать продолжению жизни человечества? И при этом мы, русские, особенно хорошо знаем, что попытка покончить со стремлением части людей к наживе, богатству, избавиться от слоя носителей этих ценностей – предпринимателей, капиталистов приводит к чудовищным последствиям и для обществ, и для окружающей среды (социалистическая экономика не отличалась природосбережением).

Что делать с новейшими ценностями – отрицанием истории, родины, пола, веры, с агрессивным лгбтизмом и ультрафеминизмом? Я признаю за другими людьми право их придерживаться, но считаю постчеловеческими. Рассматривать это как нормальный этап социальной эволюции? Вряд ли. Стараться отгородиться, ограничивать возможности их развития и ждать, что общества переживут и эту моральную эпидемию? Или прямо дать бой, возглавив подавляющее большинство человечества, придерживающееся ценностей, называемых консервативными, но попросту нормальными, человеческими? Нужно ли ввязываться в драку, усугубляя и так уже опасный уровень конфронтации с западными элитами?

В современном мире развитие технологий и рост производительности труда привёл к насыщению большинства людей, но при этом сам пришёл в состояние привычной анархии, а на глобальном уровне – к потере большинством привычных ориентиров. Может быть, вперёд снова выходят уже не экономические интересы, а интересы безопасности: обеспечивающие их военно-силовые инструменты и политическая воля?

Что такое военное сдерживание в современном мире? Угроза нанести ущерб национальным и физическим активам или иностранным активам и информационной инфраструктуре, с которыми теснее связаны нынешние космополитические западные элиты? Если обрушить эту инфраструктуру, во что превратятся западные общества?

Связанный вопрос – что такое стратегический паритет, понятие, которое мы до сих пор употребляем? Придуманная «за бугром» глупость, на которую попались страдавшие чувством неполноценности и синдромом 22 июня 1941 г. советские руководители, втянув страну в измотавшую её и народ гонку вооружений? На этот вопрос мы уже, похоже, даём ответ. Хотя по-прежнему твердим о необходимости равенства, симметричных решений.

А что такое контроль над вооружениями, в полезность которого многие у нас верят? Способ обуздать дорогостоящую гонку вооружений, выгодную более богатой стороне, уменьшить угрозу войны или больше – инструмент легитимации этой гонки, разработки вооружений, навязывания другой стороне ненужных ей программ? Однозначный ответ неочевиден.

Но вернёмся к вопросам более высокого порядка.

Что, демократия – действительно венец политического развития? Или всё-таки, если речь не идёт о прямой аристотелевской (тоже ограниченной) демократии, она – один из инструментов управления обществами со стороны правящих олигархий? Инструментов, то уходящих, то приходящих в зависимости от состояния общества и их окружения. При неблагоприятной обстановке эти инструменты отбрасываются, чтобы возродиться вновь, когда созреют внешние и внутренние условия и появится потребность. Сказанное – не призыв к безудержному авторитаризму или монархии. Мы, кажется, уже перестарались с централизацией, особенно на низовом, муниципальном уровне. Но если это только инструмент, может быть, перестать делать вид, что мы стремимся к демократии? А прямо сказать, что хотим общества личной свободы, благоденствия для большинства, безопасности и величия для страны? Но как тогда легитимировать власть в глазах народа?

Что, государство действительно будет отмирать, как полагали марксисты или либеральные глобалисты, грезившие о союзе транснациональных корпораций, международных НКО (и те, и другие сплошь национализируются и приватизируются) или наднациональных политических объединениях? Посмотрим сколько ещё продержится Евросоюз в нынешнем виде. Опять же, сказанное не означает отрицания целесообразности объединения усилий государств и народов для общего блага, например, для снятия дорогостоящих таможенных барьеров или создания совместной политики охраны окружающей среды. Может, всё-таки сосредоточить усилия на укреплении своего государства и поддержки близких стран, оставив в стороне созданные не нами глобальные проблемы? Или тогда эти проблемы ещё жёстче займутся нами?

Какова роль территории – сокращающийся актив, обуза, как говорили в том числе и многие из нас ещё недавно, или важнейшее национальное достояние, особенно на фоне кризисных явлений в окружающей среде, меняющегося климата, растущего относительного (а в ряде регионов и абсолютного) дефицита воды и продовольствия?

Как тогда быть с сотнями миллионов пакистанцев, индусов, арабов, жителей других территорий, которые могут стать непригодными для обитания? Приглашать уже сейчас, как сделали США и Европа, начавшие в 1960-е гг. затягивать к себе мигрантов, чтобы понизить стоимость местной рабочей силы, подорвать влияние профсоюзов? Отгораживаться или всё-таки готовить модель страны, где коренные народы России стали бы оборонителями и господами на своей территории? Но тогда с любой надеждой на развитие демократии придётся распрощаться – вспомним опыт Израиля с его арабским населением.

Или развитие ныне тяжко отстающей робототехники позволит избежать дефицита людей для освоения таких территорий? Вообще – какова роль русских по крови в условиях неизбежного сокращения их доли в населении России? Думаю, что, учитывая историческую открытость русского народа, ответ может быть и оптимистическим. Но уверенности нет.

Вопросов могу поставить в разы больше, особенно в сфере экономики. Важно их задавать и как можно быстрее пытаться ответить. Это – важнейшее условие развития и победы. Нужна новая политическая экономия, свободная от догм марксизма или либерализма, но представляющая собой нечто большее, чем нынешний жёсткий реализм, на котором основывается наша внешняя политика. Он должен быть помножен на устремлённый в будущее наступательный идеализм, на новую русскую идею, основанную на нашей истории и философской традиции. Сходную мысль не раз высказывал профессор [Павел Цыганков](#).

Уверен, это – важнейшая задача всех наших учёных-международников, политологов, экономистов, философов. Задача архисложная. Придётся ломать привычные и ставшие удобными стереотипы мышления, чтобы остаться полезными обществу и отечеству. Чтобы подсластить эту задачу – закончу полушутливой виньеткой. А может быть, пора понять, что наш предмет исследований – политика внешняя, внутренняя, экономическая – результат творчества масс людей, лидеров? Что это – искусство? В нём много необъяснимого, основанного на интуиции, таланте. А мы, как искусствоведы, описываем, выявляем тренды, учим истории, делаем полезную для творцов – народов и лидеров – работу? Правда, нередко превращаемся в схоластов, создаём теории, мало связанные с реальностью, искажающие её дроблением.

Иногда представители наших профессий становятся творцами истории: Евгений Примаков, Генри Киссинджер. Но я не уверен, что они задумывались о том, какие школы нашего искусствоведения представляют: они опирались на знания, свой человеческий опыт, свои моральные принципы, интуицию. Мне идея о том, что все мы – искусствоведы, эстетически нравится, и она может облегчить нелёгкую задачу ревизии догм.

Наступление в войне идей

Сергей Караганов

Долго колебался, печатать ли эту статью. Уж больно она получилась жёсткая. Но развёртывающийся в мире многоуровневый кризис – экономический, для многих цивилизационный, который будет вести к смене режимов и элит, убеждает: нужно говорить прямо. Мы живём в военной обстановке – пока без миллионов прямых жертв. А «на войне как на войне».

Подробнее

СНОСКИ

[1] См.: Караганов С. «О третьей холодной войне» // Россия в глобальной политике. 2021. Т.19. №4. С. 21-34. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/o-tretej-holodnoj-vojne/> (дата обращения: 7.02.2022).

[2] См.: Зубок В. «Запад нам поможет...» // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 6. С. 30-43. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zapad-nam-pomozhet/> (дата обращения: 7.02.2022).

[3] Кратко последний вариант можно посмотреть в статье «Идя в Сибирь, мы идём и в будущее, и к истокам нас как державы» // Российская газета, 28.09.2021. URL: <https://rg.ru/2021/09/27/reg-sibfo/karaganov-idea-v-sibir-my-idem-i-v-budushchee-i-k-istokam-nas-kak-derzhavy.html> (дата обращения: 7.02.2022).

**#будущее #внешняя политика россии #запад #мировой порядок #переговоры сша-россия
#россия #россия в глобальной политике**